

Мириам Залманович

ТЕСТ
СЕГАЛЯ

Люди, которые всегда со мной

Мириам Залманович

Тест Сегалю

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Залманович М.

Тест Сегалья / М. Залманович — «Издательство АСТ»,
2023 — (Люди, которые всегда со мной)

ISBN 978-5-17-159486-2

Рига, начало восьмидесятых. Марк – заведующий комиссионным магазином. С жильем, но без дома. С женщинами, но без любимой. С пропиской, но без родины. Живет без драм и потрясений, но всё не может дотянуться до счастья, которое, казалось бы, рядом. Этот поиск не раз перекраивает жизнь героя, а возвращение на землю предков – только один из шагов на пути к самому себе. Дебютный роман Мириам Залманович отправляет читателя в путешествие по судьбам людей того времени, которое еще не успели забыть улицы Витебска, Риги, Хайфы. Знакомство с каждым персонажем показывает, что случайных встреч не бывает. И каждый герой провожает читателя в свой, новый путь: с прошлыми грехами, за новым счастьем и покоем, который, кажется, все время на расстоянии вытянутой руки, но постоянно недостижим.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-159486-2

© Залманович М., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Песнь песней	12
Хорошая Девочка	20
Инвестиция в мечту	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мириам Залманович Тест Сегаля

© Мириам Залманович, текст, 2023

© Полина Побережская, ил., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

«Вы Сегаля знаете? – вкрадчиво спрашивал Марк Аркадьевич новых обитателей восьмиместной больничной палаты и доверительным шепотом добавлял: – Мне кажется, я вас где-то видел. Может, у Сегаля?»

Вопрос был не таким уж простым, как казался на первый взгляд, и Марк Аркадьевич искренне радовался, что еще в опасные застойные годы нашел столь удачную формулировку. В случае положительной реакции собеседника или хотя бы некоторой его заинтересованности, дальнейшее развитие беседы выглядело как распутывание длинной цепочки еврейских имен и фамилий, которая рано или поздно приводила к общим знакомым, а то и родственникам. Найдя связующее звено, Марк Аркадьевич осмелевал и задавал тот сакраментальный вопрос, ради которого, собственно, и затевалась вся эта идентификационная кутерьма: «Ду бист аид?»¹ Он специально выговаривал это чужое «Ду» вместо с детства привычного диалектного «Ды», чтобы высокомерные прибалтийские евреи не вычислили в нем чужака. Разный у них идиш и привычки с детства разные, даже фаршированную рыбу мамы иначе готовили, ну да на чужой стороншке рад своей воронушке. Положительный ответ Марк считал большой удачей, сулившей продолжение более свойской беседы в больничном парке.

В палате Марк был старожилом, уже полтора месяца маялся от безделья, прикрывшись каким-то хитрым диагнозом, суть которого вроде понял, симптомы выучил, а вот название записал на смятой бумажке и держал под рукой – в кармане больничного халата. Разработкой диагноза и наблюдением за «больным» занималась лично главврач инфекционного отделения целой республиканской больницы.

– Скажи спасибо, что моя Инга инфекционным заведует, а не гинекологическим, – ржал его многолетний подельник Алик, снаряжая Марка на больничный отдых, честно заслуженный незаконным промыслом. – Не санаторий, конечно, но ведь и не тюрьма, – продолжал он. Дабы сильнее подколоть приятеля, он растопыривал пальцы урковским веером и, преувеличенно косолапя, прохаживался по гостиной Марка, напевая что-то блатное. Марк, тихо матерясь, собирал тапочки-бритву-пару книг.

– Да сплунь три раза, много ты об этом знаешь, тоже мне, блатной нашелся. Присядь уже, не мелькай. Чай не в первый раз, выкрутимся. Да и времена уже не те, чтоб честных коммерсантов за профит брать, – урезонивал Марк Алика, скрывая за бравадой вполне оправданное беспокойство.

Они познакомились еще лет десять назад, на разбеге восьмидесятых годов, когда Алик был начальником цеха на рижской ювелирной фабрике, а Марк Аркадьевич заведовал комиссионкой. С самого начала так уж они удачно сработались, что и Марик был доволен, и у Алика кооперативная квартирка за пару лет чудом завелась и на большую разменялась, семья прирастала «жигулями» и всякими импортными радостями. Понятно, что не с докторской зарплаты Инги такое счастье валило, и строгая врачиха мужа за находчивость уважала. К тому же взял ее в свое время Алик «с довеском», сыном-подростком, который еще в отрочестве изрядно попортил ему крови и до сих пор, уже взрослым, сидел на шее.

Светланка же была их общим с Ингой ребенком, чудом не абортированным в 1980-м, Мишуткой, как называл ее папа в честь символа московской Олимпиады. Найдя себя в интересном положении накануне повышения в завотделения, Инга и думать не собиралась о продолжении беременности. Сама все решила, с мамашей по телефону пошуршала и о запланированном аборте рассказала буднично, как будто зуб собиралась вырвать. Тогда же Алик узнал, что и аборт этот от него не первый, и что «с его кобелиной натурой только давай, а потом

¹ Ты еврей? (*Идиш*.)

чистись», и что дело, в общем-то, житейское, просто в этот раз срок побольше, поэтому придется несколько дней в больнице провести. Унижался он тогда перед женой не один вечер, упрашивал оставить ребенка. На коленях стоял впервые в жизни и плакал перед женщиной впервые, но она была непреклонна и доводы были самые разные от «не вовремя сейчас», до «успеется еще», через «должность упушу; и так квартира маленькая; с животом буду как раз к зиме – ни в дубленку, ни в пальто не влезу».

Последний такой разговор Алик запомнил на всю жизнь, потому что именно тот день считал Светочкиным днем рождения. Слушая бред жены про аборт, он, с одной стороны, укрепился во мнении, что бежать надо из этого дурдома, от этой самовлюбленной тетки и ее сыночка-трутня, из квартиры, в которой даже комнатные растения не выживают. С другой стороны, умом сорокалетнего мужчины давно и сознательно выхотевшего ребенка, он жалел нерожденный плод своих чресел, и сама возможность убийства этого беззащитного создания казалась ему вопиющим злом.

Его детство прошло среди сирот, в семье, все ветви которой были отрублены войной. Рождение ребенка тогда ощущалось однозначно – ну вот, будем жить. А соседский дед, когда рождался малыш, всегда говорил молодым родителям: «Слава богу, радость-то какая! А трудностей не бойтесь, Всевышний всегда нам дите со своей ложкой посылает, прокормитесь!» Если же младенец рождался у своих, у евреев, он со слезами в глазах добавлял: «Ам Исраэль хай!», то бишь «Жив народ Израиля!» Вот это «Ам Исраэль хай» так кольнуло в тот вечер Аликово сердце, что, выпрямившись и ударив ладонью по столу, он твердо сказал: «Оставишь ребенка – все для вас сделаю. Не оставишь – развожусь!», а чтоб иллюзий относительно его намерений не осталось – в красках описал супруге, как именно будет поделена их двушка. За сим хлопнул дверью и поехал на вокзал – ночевать.

Разумеется, на оставленное им поле боя тотчас же была вызвана теща, и тройка (жена, теща, пасынок) решала судьбу бессловесного человеческого зародыша. Позвонив днем на работу Алику, Инга прокурорским тоном сообщила о том, что ребенка оставит, но в должность войдет, работать будет до последнего, нанять не станет вообще, и вся ответственность за этого ребенка на нем.

С того дня Алик и закрутил все свои гешефты – вспомнил, кому в свое время был нужен, да отказал, кто из полезных людей где рулит, кто ему может пригодиться, перетряхнул записную книжку раз пять и, разорвав последнюю страницу на закладки, вложил клочки на правильные странички. Сначала он хотел соответственные имена жирно подчеркнуть карандашом и даже по старой школярской привычке карандаш наслюнявил, но впервые подумал о том, что не все его будущие действия уложатся в пухлые рамки УК СССР, а в случае чего такие пометки в книжице могут дорого обойтись ему и людям.

На букву К значился телефон Марка Аркадьевича, «к» было в скобках – «комиссионка». Как-то на толкучке возле Шмерли их свел общий знакомый, потом у другого знакомого пересеклись в Юрмале на шашлыках, потом в Саулкрасты в компании вместе сидели в баньке. Тот Алику пробные шары уже тогда закатывал, мол, не завалюсь ли каких цацек на продажу, не упало ли чего драгметаллического с конвейера вверенного цеха? Марк показался Алику жуковатым, что, впрочем, для торгаша естественно, но, в общем, мужиком приятным. Дельный, с чувством юмора, чем-то с ним похожий – возрастом, детством и даже внешностью, кареглазый брюнет, с отчетливо наметившимся брюшком. Правда, в отличие от коренастого Алика, Марк был худощав и довольно бледен – такая особенность кожи. Они позже как-то в Сочи вместе отдыхали, и от природы смуглый Алик за неделю стал шоколадным, а Марик лишь сгорел, как вареный краб, облез и таким ошпаренным вернулся, только зря солнечную энергию перевел.

Из всех знакомых комиссионщиков Алик выбрал Марка за хорошую репутацию – никогда не забывая о себе, с партнеров три шкуры Марк не драл, не обманывал и слыл человеком слова. Останавливало только то, что болтун Марик изрядный, как бы где чего лишнего не ляп-

нул. Но, крепко подумав, Алик пришел к выводу, что, трепясь много и не по делу, действительно серьезных вещей Марк никому не доверял. За жизнь поговорить, анекдотик свеженький, зачастую сальноватый, хохмочки всякие – это да, песенки стройотрядовских времен – пожалуйста, словом – душа компании. Но если в тех же компаниях кто-то из людей, давно с Марком знакомых, поверял ему душевную тайну – могила, тайну Марк хранил свято. Он, может, и рассказал бы что дома на кухне, жене, однако таковой у него не было.

Алика это удивляло – мужик вроде видный, но на пирушки Марк всегда являлся без спутницы и, несмотря на бойкость застольниц, уходил тоже один. Впрочем, на собственной шкуре Алик понял, что брак это ярмо, которое стоит тянуть, если совсем уж иначе не можешь, и втайне завидовал Марику – здоровье есть, деньги тоже, бабы любят, чего еще надо?

«Чего еще надо», Алик вспоминал, лишь целуя Светланкину макушку. Это был их утренний ритуал, покуситься на который они бы не позволили никому, да никто и не посягал – Инга, как и грозилась, дочку не нянчила, а от Алика после ее рождения совсем отдалилась. После вторых родов у нее что-то там по женской линии не заладилось, а в сорок два года и вовсе «возрастное» началось, о чем она гордо сообщила мужу, посоветовав свои кобелиные проблемы решать без ее участия. Алик не сильно расстраивался – Светланка давала ему столько любви, нежности и восхищения, что о большем он и не мечтал, ну а по интимному вопросу на родном заводе помогальщицы всегда находились.

С утра, причесывая Свету, он непременно увенчивал ее мышинные хвостики красными шелковыми ленточками – красный любила дочка, а ничего проще шелка не позволил бы своей принцессе папа. Дальше следовал традиционный поцелуй в макушку, и вот уже девчонский топот оглушал лестничные марши просторной центральной парадной, вызывая недовольный собачий лай в районе первого этажа.

В центр они перебрались через год после Светкиного рожденья. Сперва двушка в микрорайонном Кенгараге чудесным образом превратилась в двушку на центральной Красноармейской, потом приумножилась и стала солидной трех-с-половиной-комнатной квартирой на уважаемой Вейденбаума. Фасадный дом, парадный вход, третий этаж – все как у людей. А тогда, в зиму Ингиной беременности, к ее ногам была брошена песцовая шуба, австрийские сапоги в нарядной коробке, ювелирный гарнитур, французские духи и боны в валютный магазин. Точнее, к ногам Алик бросил только шубу – в фильме каком-то видел такой широкий жест и хотел задобрить жену, волком смотревшую на него после каждого приступа токсикоза.

Инга тогда не только не наклонилась к шубе, но даже не пошевелилась – стояла, гордо подняв голову, светловолосая, строгая – прямо снежная королева. Только бровь вопросительно подняла, а тут еще сыночек в коридор выглянул и, увидев эту сцену, презрительно хмыкнул. Алик шубу суетливо подобрал, жене на плечи накинул и с той поры дары ей нес не с радостью добытчика, а выполняя негласный договор, который заключил с ней, когда та соизволила оставить Светочку.

Инга подарки благосклонно принимала, а сама неизменно мучилась от сознания того, что все эти цапки – цена ее жизни с нелюбимым. Был в ее жизни мужчина, врач из их больницы, но он, как и она, был несвободен, а даже если б и развелся... Правильно Инге мать говорила: «На кой тот тебе сдался, алиментщик. Никогда он тебя, как твой, не обеспечит, а любовь любить можно потихоньку, никто и не заметит!»

Алик действительно не замечал и, наверное, страшно удивился бы, узнав, что у женщины, которую он считал фригидной, уже много лет есть любовник, с которым у той полное интимное взаимопонимание. Так или иначе, но в их семье повелось супружеским долгом считать достойное обеспечение всех материальных потребностей жены, и Алик старался делать это даже раньше, чем эти потребности возникали. Инга, в свою очередь, супружеский долг видела в нарядном семейном фасаде, а посему заботилась о своей внешности, ночевать приходила исправно и мужу своими душевными потребностями не докучала.

Со временем они друг друга приняли, притерлись, по бытовым вопросам друг друга понимали, особенно крепко не ссорились и жили без потрясений, как брат с сестрой. Инга в благодарность за обеспеченный быт сослала-таки Рапопорта-младшего со двора. Она познакомила мальчика с дочкой приятельницы, и все у молодых потихоньку налаживалось на отдельной территории.

Хозяйскими же обязанностями Инга по-прежнему манкировала, как и материнскими. Особенной проблемой это не становилось, со Светланкой отец с удовольствием возился сам, а по разным кружкам ее водила репетитор – учительку из сороковой школы наняли, та в свободное от уроков время девочку патронировала. По дому шустро управлялась теща – в отсутствие хозяев она приносилась в центр (по версии Алика – на метле) и бодро шуршала по хозяйству: постирать, погладить, прибрать, вкусенькое на рынке купить, сготовить.

В готовке она ориентировалась именно на него, ну и на Светочку, в которой души не чаяла. Дочь же осуждала за бесхозяйственность, называя ленивой коровой, которая-де только хвостом вертеть умеет, а молока с нее что с козла. Когда в трудовом порыве теща перевыполнила план настолько, что вечером Алик находил на плите и холодильнике несъедаемые запасы, он приглашал на ужин кого-нибудь из приятелей.

Самым часто отзывающимся оказался Марик, и со временем он стал их постоянным гостем, помогающим, по его же выражению, «бороться с урожаем». Как человек одинокий, Марк был скор на подъем и падок на домашнюю пищу, поэтому охотно откликался на приглашения и приходил всегда интеллигентно, принося хозяйке цветы, хозяину коньяк, Светланке заморскую игрушку. Поначалу Инга пыталась заводить светскую беседу, но со временем эти потуги оставила, и, поужинав, Алик с Мариком прихватывали коньячок, сигареты, пепельницу и уединялись в той самой половинной, девичьей, комнате на неспешный мужской разговор.

Первые годы все их разговоры были сугубо деловыми, обсуждать гешефты на работе или по телефону было небезопасно, а дома, да в располагающей обстановке – самое то. Их с Маркаркадичем старания после перестройки стали называться «предпринимательской деятельностью», а еще позже – зубастым словом «бизнес». Прежде же, в ранние восьмидесятые, за такой промысел светила нешуточная статья, и не в журнале «Форбс», с видом на океан, а в абсолютно уголовном кодексе, с видом на улицу Маза Матиса ².

Советская власть бдительно охраняла свои драгметаллы и чужую валюту. Алик, на золоте собаку съевший, до начала гешефтов с Мариком валюты и не видел, разве что в виде тех самых чеков и бонов в закрытый магазин, которые Инге дарил. Марк же валюту уважал и фанатично коллекционировал, отдавая предпочтения долларам и дойчмаркам. Он копил на Израиль.

Еще до знакомства с Аликом, разобравшись во всех финансовых возможностях своей «конторки», Марк решил открывать новые горизонты. По его разумению, придуманная им комбинация была беспроегрешной – покупаешь в издательствах много-много вернувшихся неликвидов: газет, журналов и прочей периодики; на бумажной фабрике прихватываешь обрезки и прочие отходы, причем все это добро берешь практически за спасибо тамошнему начальнику, потом сдаешь на пункты приема макулатуры, да не абы как, а в огромных количествах и как частное лицо. На чеки, выданные приемщиками за проявленную гражданскую активность, приобретались редкие книги. Кому реализовывать книги, тоже было понятно – среди клиентов комиссионки встречались вполне интеллигентные граждане, скромно разбогатевшие умом на том, что тогда называлось экономическими преступлениями. Были и нувориши – фарцовщики и подпольные цеховики, без страха и совести варившие джинсу и выдававшие самопал за фирменный товар. И нуворишам, и интеллигентам нужны были книги, причем если с первыми было попроще – абы обложки покрасивее, желательно бордовые с золотом, темно-зеленые тоже вполне солидно, словом, чтоб интерьер достойно украсили – не пустовать

² Улица Маза Матиса, д. 3 – Центральная рижская тюрьма.

же полкам импортных «стенок», то у вторых душа требовала чего-нибудь эдакого, подчас труднодоступного или совсем запрещенного. Короче, идея Марку казалась беспроигрышной, да вот беда – не ему первому в голову пришла. Оказалось, что с макулатурно-книжных дел уже давно нагревалась вся придуманная им цепочка, включая приемщиков и завмагов букинистических магазинов. В общем, его, Марка, там не стояло.

Хотел было он сунуться во вторсырьевые гешефты, но и из этой хлебной норки высунулся большой шнобель и незлобно, но уверенно сказал «занято». Еще бы не было занято, рассуждал Марк, ведь по сравнению с тамошними варками его скромные потуги казались мелким поскребыванием по сусекам. Было досадно, ведь там без шума и пыли работала похожая схема: тюки с шерстяными обрезками скупались по две копейки у производителей, сдавались по семь как бы от населения, разницу в пять копеек с каждого килограмма шнобель клал в карман, зарабатывая в месяц по двадцать врачебных зарплат.

Впрочем, инициативные врачи тоже не страдали – знакомый гинеколог «жигули» сделал на спиралях, бывших в те времена практически недоступным дефицитом. Оптометристы отоваривали советскую элиту импортными оправками, один «хамелеон» чего стоил! Зубные врачи и просто на золоте сидели. В общем, все крутилось и без Марка, а вот новое приятельство с Аликом сулило неплохие дивиденды. Систему они наладили похожую на вторсырьевую и букинистическую, а дабы не очень рисковать, обставляли все кошерно – официальные закупки, путевые листы, акты, бухгалтерские проводки и т. д. У Алика начала подрастать дача в Дзинтари, а Марк откладывал валюту «на Израиль».

Мечта об Израиле заменила Марку все то, чего не случилось в его жизни: жену, детей, домашний уют. Он последними словами ругал себя за то, что десять лет назад не поднялся с волной семидесятых и не уехал. Софа, сестра, вместе с мужем и двумя племянниками жившие в Витебске, тогда перебрались в Хайфу. И его звали, даже в Ригу приезжали на семейный совет. Марк, тогда окрыленный мишурой первых фарцовых подвигов, только смеялся – мол, что я там делать-то буду, с образованием торгового техникума? С евреями торговать? Нет уж, спасибо, нас и здесь неплохо кормят. Вот подзаработаю, женюсь, годика через три подъеду. Приехать в Израиль с женой казалось ему принципиально важным, а какую злую шутку на матримониальном поприще сыграет с ним судьба через несколько лет, он тогда знать не мог.

Едва минуло два года со дня репатриации семьи Марка, как граница накрылась очередным железным занавесом и на то, откроется ли еще и когда – даже прогнозы строить было тяжело. Родители тогда уехали вместе с сестрой, причем уехали нехорошо – сильно Марк поругался с отцом на почве своего неотъезда. Мама без своего Марички ехать не хотела, а отцу хоть разорвись между женой, дочкой с внуками и сыном, который и так отрезанный ломоть – за тридевять земель в своей Риге. Накануне отъезда они с отцом все же помирились, но прощались в Шереметьеве довольно сухо: с мамой, сестрой, племянками и даже сестриним мужем вместе погуляли на отвалных посиделках и в аэропорту плакали-целовались-обнимались. Отец все это время вел себя как-то отстраненно, может, что-то предчувствовал. Так или иначе, через полгода после отъезда, с лоджии хайфской квартиры любовавшись тем, как заползает за море вечернее солнце, он аккуратно снял очки, отложил газету, еще раз глянул на закат и в одно мгновение умер. Жена заходила чаю подать, но, видя его безмятежную улыбку, решила, что тот дремлет, и беспокоить не стала, только Софа, забежав вечером, после ульпана³, поняла потерю.

Марк не смог даже похоронить отца, ведь если бы и сжалилась советская власть, проявив визой неслыханную щедрость, пока он бы все оформлял, папу, по иудейскому обычаю, уже давно похоронили бы. Несколько лет спустя старшего племянника Марка призвали в армию, и это событие окончательно добило несостоявшегося репатрианта. Алик пытался тогда друга

³ Ульпан – студия, здесь – курс иврита для новых репатриантов.

урезонить, втолковывал, что в ЦАХАЛ⁴ такого перестарка, как он, все равно не взяли бы, и советской армии он долг мужества отдал по полной программе, и что армия везде дело темное – по Праге можно было бы понять. Но Марк в это время сидел в его каморке только физическим телом, мысленно же давно обитал на других берегах.

Израиль стал для него и смыслом, и целью. Он читал все доступные самиздатовские брошюры, которые только мог достать, от сионистских до религиозных, пока один раз не наткнулся на «Песнь песней». Это было дореволюционное издание «Псалмов Давида», роскошно оформленное и прекрасно сохранившееся. Книгу принес знакомый фарцовщик из тех, с кем дела решались в «конторке».

«Конторкой» Марк Аркадьевич называл свой кабинет, находившийся в глубине его комиссионки. Кабинет скорее напоминал сокровищницу небольшого областного музея, ну, на худой конец – склад мадам Коробочки. Довольно темное помещение метров двадцати, с окнами во двор-колодец, изрядно заваленное всяческим добром, которому не судьба была появиться на прилавке. На случай недружелюбного вторжения ОБХСС, квитанции на этот товар Марк лично заполнял каждый день, мол, вот, только что принесли, выставить в торговый зал не успели. На самом деле каждая из этих вещей ждала своего покупателя, который заранее сделал Марку заказ, ну или которому могла, по разумению Марка, понравиться.

Там же товарищ директор встречался со «своими» покупателями и с особыми продавцами, теми, кто при его посредничестве поставлял ко дворам советских господ всякие дефициты. Один из них, давно знакомый фарцовщик, и притащил на продажу Книгу Псалмов, содрал за нее с Марка три шкуры.

⁴ Армия обороны Израиля.

Песнь песней

«Не скупись, Аркадьич, – увещевал барыга, – любой из ТВОИХ за эту книженцию прилично выложится. Она ж дореволюционная, вон, гляди, Вена, 1897 год, и шрифт такой заковыристый. Я вообще думаю, может, это ваша библия, тогда она еще дороже должна катить, как наши иконы!» И уж так торгового Остапа понесло, что Марк посчитал за благо теологический диспут прервать и отсчитать запрошенную сумму. Положа руку на сердце, он тоже не знал реальной цены такой книги, да и что это за книга, представлял весьма туманно, по детским воспоминаниям.

Было понятно, что это не «библия», как выразился давешний собеседник, ибо что еврейская Библия называется Торой, Марк знал абсолютно точно. Он также знал, что такое Талмуд – это была толстенная книга, лежавшая на столе в подвальной лачуге рэб Арона, которого Марик часто навещал после школьных уроков. В детстве Марик в еврейский вопрос углублялся не очень и теперь об этом жалел – ведь сколько раз рэб Арон предлагал ему, мальчишке, подольше посидеть в его подвальчике за книгой и укорял за то, что тот носится с местными пацанами, как шойгец⁵. Даже его маму пытался агитировать, говорил, что «у мальчика золотая голова, немного усердия, и с него будет такая польза, что мама сможет им гордиться». И мама, когда скандалом, когда лаской, когда липким леденцом, усаживала ребенка за книги. Особенного интереса к наукам Марик не испытывал, дома учился, чтобы мама была довольна, а иногда и не учился вовсе – так сидел за открытой книгой и мечтал.

У рэб Арона было интересней, тот часто собирал в своей конурке сразу нескольких учеников, ребят разного возраста. Он говорил, что до войны в ешивах⁶ все мальчики так учились, вместе за книгами сидели, вместе молились, вместе обсуждали сложные вопросы. Там-то Марик впервые и услышал это название «Песнь песней» – старшие парни обсуждали одну из глав «Книги Псалмов». Он тогда спросил было, что это за глава, но парни его, воробьенка, только щелкнули по носу, мол, мал еще на эту тему рассуждать. А потом старый Арон умер, хоронили его всем выжившим еврейским Витебском. На этом Марикова религиозная учеба и кончилась. Вроде бы кто-то из старших парней перенял эстафету рэб Арона и продолжил обучать ребят у себя на дому, но Марик к нему не ходил. Он считал себя недостойным древних знаний, ибо сразу после смерти учителя совершил то, что считал предательством. Точнее, как раз кое-чего не совершил, и это бездействие не мог себе простить.

Их скромный домишко стоял на краю городка, у одного из выездов. Разбитая грунтовая дорога проходила подле него, а метрах в десяти изгибалась, отчего в непогоду комья грязи из-под колес тяжелых машин ляпали в окна. К радости Мариковой мамы, большие машины проезжали там нечасто, но в тот злополучный день машина случилась именно такая.

Дело было хмурым осенним днем, через неделю после смерти рэб Арона. Его подвальную конурку отдали дворнику, а тот пожелал избавиться от жидовского духа. Для начала доложил куда надо, что на вверенной ему жилплощади раньше творилось не иначе как что-то антисоветское, чему подтверждением нерусские книги. О культовых предметах из серебра доброхот сообщать не стал, здраво рассудив, что в Виннице такое добро без хлопот обменяет у местных жидов на что-нибудь путное. Книги же свалил на старую простыню и от греха подальше вытащил в дровяной сарай. Ответственные органы отреагировали оперативно, дворника за бдительность поблагодарили, а книги забросили в грузовик и отправили с прочим мусором.

Дорога была по-осеннему размытой, и на повороте возле их дома машину подбросило. Марик в тот момент как раз сидел у окошка, подперев кулаками подбородок, и скучал – скар-

⁵ Сорванец (*идши*).

⁶ *Ешива* – религиозное учебное заведение иудеев.

латина не пускала на улицу, а дома развлечений было мало – мелкая сестра-зануда не в счет. В тот момент, когда очередной жирный ком дорожной грязи полетел из под колес старенького грузовика прямо в их окно, Марк увидел то, что не мог забыть и много лет спустя. Подпрыгнув, грузовик лишился маленького шпингалета, задвижки, на которой, как оказалось, держался задний борт. Борт упал, отчего Марику показалось, что машина стала похожа на грязное чудовище, разинувшее пасть. И не успел мальчишка дофантазировать страшные желтые зубы, как из пасти машины вывалилось то, что лежало в самом конце, прямо у заднего борта. Это были какие-то книги. Вслед за ними посыпалась было щепка, лежавшая дальше, но тут машина затормозила. Вышедший шофер сплюнул длинную табачную слюну, недобро выругался, пнул рассыпанное, потом колесо своей машины и большой земляной ком, затем так же, носком сапога, поковырял дорожную грязь, вероятно, в поисках того самого шпингалета. Не найдя, еще раз выругался, сплюнул, пнул колесо и забрался в кабину, газанув черным облаком.

Все это выглядело довольно потешно, особенно для ребенка, мало ведавшего других развлечений. Нахотавшись, Марик не на шутку разозлился на свою дурацкую scarлатину и вечно хлопочущую мать, которая как нарочно была дома, что не позволяло ему даже подумать о том, чтобы выскочить на улицу. А выскочить ох как хотелось! Кто знает, какие сокровища растерял этот грузовик, ведь там, в грязи, могло найтись что-то крайне необходимое в мальчишечьем хозяйстве.

Только два дня спустя Марик смог ускользнуть от замешкавшейся матери и, выбежав на дорогу, рассмотреть возможную добычу. За это время машины там почти не проезжали – окраина, и это оставляло некоторые надежды на сохранность потенциальных находок, даже несмотря на то что шли дожди, да и телеги несколько раз в день проходили. Немногочисленные метры до дороги Марик перемахнул одним прыжком и минуту спустя уже ковырялся в дорожной грязи. Только сейчас он понял, над чем как дурак смеялся пару дней назад – в осенней жиже валялись бесценные книги рэб Арона.

Некоторые из них, что отлетели на обочину, еще можно было спасти, но, памятуя настоятельную мамину просьбу, он не решился. Еще во времена их занятий со старым Ароном мама попросила и даже взяла обещание, что Марк никогда не принесет домой «те» книги, на улицу с ними не покажется и в школу, не дай бог, не возьмет, в общем, не вынесет за пределы Аронова жилища.

Там, в тесном и темном полуподвале при свете керосинки была еврейская жизнь, а вокруг, при свете дня – советская. Привнести атрибутику еврейской жизни в советскую означало неминуемо навлечь на себя и близких беду. Какую именно беду, Марик знал не точно, но что папу выгонят с работы и всю их семью пошлют туда, откуда не возвращаются, – это мама объяснила четко.

В тот день на осенней дороге вспомнилась ему и история про мамину сестру, тетю Дору, которую он никогда не видел и не увидит, потому что ей посчастливилось через польские фильтрационные лагеря прибиться к эмигрантам и, сделав весьма значительный круг, все же добраться до Палестины, которая за время ее мытарств стала Израилем. Мама раз в год, в день рождения Доры, плакала о «родной кровинушке», которая после того, как в войну убили их родителей, осталась у нее одна на всей земле. А свое рождение она и вовсе не отмечала, говоря, что бог даст, встретится в Израиле с сестрой и вот тогда за все годы наотмечается.

Крутя в руках растерзанные книги, Марик почему-то думал о том, что если принесет их домой и их найдут, то всю семью засудят, а мама уже никогда не обнимет свою Дору. Оставить книги на дороге требовало невероятных физических усилий. В одну из них, ту, по которой ему доводилось учиться, руки вцепились намертво: взять ее с собой Марк бы не смог, а положить – не гнулась спина. Он поцеловал книгу, как делал это в конце их с рэб Ароном уроков, нагнулся, опустил ее на обочину и в ту же минуту в придорожную грязь рухнул сам.

Он не слышал, как с воплями выскочила из дома мама и, заламывая руки, побежала к нему, не видел отца, молчаливо поднявшего его и отнесшего в дом. Позже родители ему рассказали, что несколько дней он был в бреду, и они боялись, что не выживет. А сестра по секрету добавила, что старенький доктор еще в первый день сказал маме: «Медицина бессильна. Молитесь!» – и мама по нескольку раз в день, сидя у его постели, что-то тихонько бубнила. Придя в себя, Марк первым делом сполз с кровати и подошел к окну, на дороге еще угадывались прямоугольники книг. Обернувшись, он увидел мать, она качала головой, а в глазах было столько мольбы, боли и слез, что никогда бы не посмел он переступить через такой взгляд.

Каждый день он подходил к окну, хотя чувствовал себя при этом отвратительно. Он себе такое наказание придумал – ежедневно убеждаться в своем предательстве, а в том, что это было именно оно, парень не сомневался. К счастью, зима в том году началась раньше обычного, и вскоре обочину припорошило снегом, скрыв следы Маркова преступления. О продолжении еврейской учебы не могло быть и речи – Марк не представлял, что руками, предавшими Книгу, может осквернить другие Книги. Так или иначе, но при нем осталась только советская школа с ее утвержденными Минпросом учебниками, и следующая еврейская книга попала к нему в руки уже в «каморке» его комиссионного магазина.

Памятуя о том, что священные книги и все, что с ними связано, требуют особой деликатности, Марк Аркадьевич, едва отделившись от барыги, обернул Книгу в газету и лишь после этого погрузил в кожаный портфель, предварительно вынув из него дежурную бутылку коньяка «на презент». Оставив хозяйство на заместителя, Марк прямо в середине рабочего дня понесся домой, рассматривая необычную добычу.

По дороге он думал о том, что сто лет уже не вспоминал ни ту «книжную» историю, ни свое витебское детство. Еврейство лишь иногда давало о себе знать разудалой кабацкой хава нагилой и чым-нибудь заговорщическим тостом, типа «За нас с вами и за хрен с ними!». Гуляли-то обычно еврейской компанией, все эти стоматологи-оптометристы-ювелиры-букинисты были связаны общими «делами», друзьями, родственниками. Под коньячок и балычок они традиционно заказывали какую-нибудь еврейскую плясовую и, вместе с русскими женами, обнявшись за плечи, плыли по кругу, через шаг брыкаясь на хасидский манер. В такие вечера «Лидо», «Пие Кристапа» и «Шкафчик» превращались в филиалы Израиля. К концу стандартного кабацкого репертуара, озорных «Хава Нагила», «Семь сорок», «Ба мир бист ду шейн» и слезливой, под занавес «Аидише мама», компания чувствовала свой еврейский долг выполненным. Выполнять его подобным образом было куда спокойнее, чем ставить хупы ⁷ и обрезать сыновей.

В таких размышлениях Марк пересекал Кировский парк и, услышав идиш, улыбнулся. В этом месте парка мамелошн ⁸ звучал всегда, скамеечный пятачок у фонтана так и прозвали Тельавивчик. Теперь он имел для Марка вполне прикладное значение – впервые замедлив шаг, тот принялся разглядывать обитателей пятачка. Он надеялся увидеть еврейского старика, хоть чем-то похожего на рэб Арона. Марк непременно пригласил бы его к себе (не на улице же открывать портфель) и показал ему трофей, а дед сказал бы ему что-нибудь мудрое и, наверное, даже погладил бы по голове. У мальчика, рожденного после войны, своего дедушки не было, у его друзей по витебскому детству дедов не было также, но у них всех был рэб Арон, внуки которого погибли с дедами этих мальчишек.

Выжили только эвакуированные и те, кто воевал. Арон воевал. Сын его умер от туберкулеза еще до войны, оставив невестку с тремя внуками, а перед смертью строго наказал той заботиться о малых и о вдовом свекре. Две дочки Арона были благополучно замужем, нянчили детей.

⁷ Хупа – традиционный свадебный балдахин.

⁸ Мамелошн – имеется в виду идиш, дословно – язык мамы (идиш).

В первые же дни войны Арон крепко думал, как ему правильной поступить – остаться при сиротах или пойти на войну вместо сына. Решил – на войну. Над ним в военкомате посмеялись, посоветовали на печи сидеть, но он воспользовался неразберихой и пусть не совсем честно, но своего добился. Арон был уверен, что остальных эвакуируют, и считал, что не пристало ему, вполне еще здоровому человеку, на юга кататься. Одно его заботило – как он будет трюфное кушать и разрешат ли ему товарищи командиры молиться, хоть бы и без миньяна⁹. Об этом он размышлял уже по дороге на фронт и решил так – бульбу и кашу наверняка дадут, большего не надо, а молиться можно и тайно.

Вскоре стало ясно, что его родню, не относившуюся к партийному начальству и на взятки денег не имевшую, на юга не забрали, оставив фашистам на растерзание. Те и растерзали. Попросил бы Арон у всевышнего смерти, но грех это, вот и жил по инерции да и воевал так же. Служба, контузия, госпиталь, медаль – все как у людей, но после госпиталя «списали». По возрасту, состоянию здоровья и тому, что определили последствием контузии – легкой ненормальности. Часами сидел Арон в углу и что-то бормотал. Он молился, закрыв глаза, в такт святым словам покачиваясь корпусом – так ему лучше вспоминалось, ведь молитвенника при себе уже не было – сгинул на армейском пути. Но всех этих деталей он никому не объяснял, вот его за контуженого и приняли.

Со временем мирское все меньше интересовало Арона, и к концу войны он был так погружен в свой Святой мир, что в Витебск поехал по той же инерции, по какой вставал по утрам. Возвращение к родному пепелищу страшило его, но погружение в такие бытовые вопросы, как поиск иного места жительства и трудоустройство, казались ему непреодолимыми. В Витебске, как он предполагал, еще помнили добросовестного сапожника Арона, так что с божьей помощью как-нибудь сложится.

Сложилось вполне сносно – по сапожной части работы после войны было достаточно, а мастеров осталось мало, поэтому место в мастерской нашлось сразу. Правда, вместо сгоревшего дома ему выделили квартиру в полуподвале, но зато свою, а не коммунальную, и с учениками он там вполне спокойно мог заниматься – в подвал вход был отдельный, и топот его визитеров соседям не докучал, даже когда те расходились за полночь.

Бывшие знакомые Арона не узнавали – вместо ушедшего на фронт немолодого, но еще довольно сильного мужчины, в город вернулся древний старец. Борода, которую Арон отпустил еще в госпитале, уже покрывала седыми кольцами не только щеки и подбородок, но, сползая по шее, довольно уверенно защищала тощие ключицы своего хозяина, внешне накидывая тому лет двадцать. Взгляд, ранее энергичный, полный заботы о нуждах домочадцев, взгляд отца большого семейства, стал взглядом человека, уже повидавшего все и не по своей воле застрявшего между этой жизнью и будущей. Движения, когда-то сильные, ловкие и уверенные, стали скупыми и размеренными. Со старых времен при Ароне осталась лишь страстность речи. Но если раньше она требовалась ему для порицания нашкодивших отпрысков, спора с привередливым клиентом или разговора в мужской компании, то теперь использовалась лишь в общении со Всевышним. Люди Ароновых эмоций больше не удостаивались.

Единственная комната служила ему и гостиной, и спальней, готовил он тоже в ней. Кухня в принципе была, но там он хранил картошку, приносимую учениками, да дрова на зиму. Готовить было намного удобней в комнате – в углу на колченогом столике стоял керогаз, и, пока на нем варилась нехитрая еда, та же картошка, хозяин мог не отвлекаться от Книги или от урока. Этот керогаз Марик видел своими глазами, поражаясь его допотопности, почему-то такие были только у стариков, а в его доме и в домах всех его друзей были полноценные плиты – в основном дровяные, но большие, настоящие. А тут всего одна конфорка!

⁹ *Миньян* – молитвенное собрание из десяти иудеев.

«Чему ты удивляешься? Рэб Арон тоже один, вот ему одной конфорки и хватает!» – говорила Марику мама, но этот керогаз не отпускал его внимания. Сколько раз мальчик отвлекался от урока, замороженно разглядывая пламя, которое то подлизывалось к кастрюле синевато-оранжевым языком, то копотно задыхалось. А ведь отвлекаться было некогда – дома ждали школьные задания.

В тот день, проходя по Тельавивчику Кировского парка, Марк Аркадьевич рассматривал его обитателей и прикидывал, у кого из них на закопченной кухне фурычит такой же, как у Арона, керогаз. Ему казалось, что, угадав такого человека, он и найдет того, с кем сможет поделиться редкой книгой, кто поможет ему разобрать скрытый в ней смысл, а может, и разберет его жизнь. На скамеечках болтали о своем, о девичьем седовласые еврейские старушки в газовых платочках, и только поодаль, на эстраде, Марк увидел стариков. Два пожилых еврея корпели над шахматной доской, остальные, обступив их, озадаченно смотрели на ход партии, то размышляя, то едва сдерживаясь, чтоб не выкрикнуть свой вариант хода. Ни один из них Марку не подходил. Вроде и лица умные, солидные такие деды, у одного на летнем пиджаке даже планки орденские. Головы у всех покрыты, но как бы от солнца, хоть и сидели в тени – у кого кепка, у кого газетный кораблик, никакого намека на ермолку. Эти старики были не похожи на рэб Арона так же, как Рига восьмидесятых не была похожа на послевоенный Витебск его детства. Но главное было не в этом – среди них не нашлось седобородого старика, а Марк точно знал, что помочь ему разобраться с сутью книги и всей его жизни может только пожилой еврей с традиционной бородой.

Не найдя искомого человека, Марк понял, что, стоя на одном месте и вперившись взглядом в шахматную группу, он выглядит довольно глупо. Болельщики уже не столько следили за игрой, сколько смотрели на него, и, когда они встретились взглядами, сделали приглашающий жест. Увидев между собой и ими тележку мороженщицы, Марк решительно направился к ней, всем своим видом давая понять, что только мороженое и разглядывал. Купил любимое, «Синичку», и не потому, что самое дешевое, за восемь копеек, а потому, что считал его самым вкусным.

Продолжив свой путь, Марк удивлялся тому количеству важных вещей, о которых он еще сто лет не вспомнил бы, не попадись ему сегодня этот жук с книгой. Тут же и израильская родня на ум пришла, и покойный отец, и то, что сестре там должно быть совсем несладко – возраст для работы критический, дочь-подросток со своими выкрутасами, сына в армию забрали и вдовья мать на ней, а он, Марк, здоровый мужик, даже денег им подкинуть не может – ну не через сберкассу же перевод оформлять!

В таких размышлениях Марк добрался до дома. Торопливо отперев дверь, он зачем-то проделал все те манипуляции, которые обычно предшествовали прослушиванию «вражеских голосов» – дверь на задвижку, окна закрыть и зашторить, из освещения только настольная лампа. Заварил чай, положил туда три традиционные ложечки сахара – он когда-то вымечтал их в полуголодном детстве и теперь чувствовал себя царем каждый раз, когда сластил горячий напиток. Водрузив на стол книгу, он поставил рядом кружку с чаем, открыл страницу наугад и нырнул. Вынырнул через четыре дня и три ночи. Все это время он не ел и не спал, лишь иногда выходил в уборную или на кухню, налить еще крепкого сладкого чаю.

За эти дни он передумал всю жизнь, понял и причину своего одиночества. Он же еще маленьким мальчиком был, когда мама ему начала говорить, какой он умничка и красавец и как будет ему хорошая еврейская жена. «Вон уж соседки, у которых дочери растут, облизываются на тебя, что кошка на сметану, все хотели бы такого зятя! Да что там соседки, даже столичная Фридманиха, которая у Ентл гостит – и та заходила. Как бы между делом, за пустяком каким-то, а сама с тебя глаз не сводила. Ты тогда за столом сидел, перышко для учебы точил. Не помнишь? Конечно, что тебе таких глупостей помнить, их много, даже Фридманих, а ты у нас

такой один. Вон, и рэб Арон тебя называет ды кляйнэ хухэм ¹⁰, а уж он-то разных ребят видел. Как дай бог подрастешь, найдем тебе подходящий шидух ¹¹. Богатая, не богатая – это уж как повезет, главное – чтобы хорошая еврейская девочка. Усвой, май кинд, Хорошая Еврейская Девочка!»

С таким напутствием отправляла она сына в армию, и его доводы о том, что в казарме девочек нет, ни хороших, ни плохих, ни «наших», ни «не наших», маму не успокаивали, она настаивала на том, что «хичницы» есть везде, особенно там, где такой, не сглазить бы, хороший еврейский мальчик, которого, между прочим, совсем не для того мама в муках рожала, учила и в армию посылала. Так что и в отдаленном гарнизоне, и на границе, и в любом другом месте, куда советская власть пошлет, «мальчику» полагалось влюбиться только в Хорошую Еврейскую Девочку. Ну, в крайнем случае, допускалось, что подлюбиться он может и к какой другой «хичнице», но одно дело – мужская придурь, а другое дело – семья.

С этим же благословением провожала его мамэ на учебу в далекую Латвию, рассказывала, что до войны Рига славилась красивыми еврейскими невестами, и в эвакуации она рижских евреек видела – очень славные девочки. Отец, как обычно в таких случаях, только недобольно крякнул и пробурчал традиционное: «Хайце, кончай парню голову морочить, ему еще учиться и учиться, а ты со своими глупостями!», но ход мыслей жены явно одобрял.

Марк был не против пообщаться с европейками, а рижанки казались ему почти иностранками. Только он для них был чужаком, студент-голодранец из не пойми какого Витебска, тощий, с выпирающим кадыком и огромными и грустными, как у теленка, глазами, в лоснящихся коротковатых брюках, купленных явно до армии, да еще и перестарок, прошедший военную службу и ничего, кроме нее, в молодой жизни не понимавший. К тому же жил Марк не в общаговской вольнице, как остальные иногородние, а на квартире.

При всем своем гордом звучании сей факт означал неусыпный дозор тети Мани, хозяйки квартиры и очень дальней маминой родственницы. Мама списалась с ней, договорилась об оплате, а надзорные функции старая дева взяла на себя абсолютно добровольно и с большим энтузиазмом. В случае нарушения Мариком установленного ею же режима тетя Маня, преувеличенно шурясь, капала сердечные капли и приговаривала: «Ой, и за что же мне такое наказание, никогда жильцов не пускала, а тут связалась с родственничком – и такие муки. Прямо бандит в доме! Это ж надо – вчера явился среди ночи, а сегодня с утра смотрит на меня невинным ангелом! И как будто старая дура Маня ничего не слышит или не понимает, с какой такой радости здоровенный лоб болтается ночью. Потом какая-нибудь из этих „радостей“ принесет твоей маме в подоле подарок, и кто будет виноват? А виноватой выйдет Маня, потому как Хая Мане ребенка доверила, а та не доглядела. Мазалтов! А мне на старости нужны эти неприятности и это давление? Опять придется заказывать межгород!»

Это было штормовое предупреждение. После него полагалось потупить очи, признать вину, пообещать никогда более, поклясться в вечной и бескорыстной любви к престарелой родственнице и быстренько совершить какой-нибудь тимуровский подвиг – починить, прибить, купить, отнести, принести и подать. В противном случае Маня угрозу выполняла, заказывала звонок Хае и в сгущенных красках рассказывала той, какого бандита они себе в Витебске вырастили и что он того гляди кого-нибудь снасилует. И что она, бедная Маня, тогда скажет милиции?! Ведь он у нее даже без прописки живет, а прописывать такого бандита она никогда не согласится, хоть своих детей у нее и нет. Потому что лучше государству квартиру оставить, чем такому шойгецу и его девкам, которых он, конечно же, приведет на ее тахту прямо в день ее смерти, не дав телу праведницы остыть. А ее душа станет мучиться, наблюдая такой разврат в отчем доме из рая, где непременно будет пребывать вместе с душами других скромниц. И

¹⁰ Маленький умник (*идши*).

¹¹ Сватовство, партия (*идши*).

вообще, пусть отпрыск едет к ним обратно, на край географии, и делает давление своим законным родителям, а не наказывает ее за доброту.

Между тем доброта приносила тете Мане неплохие дивиденды – семьдесят рублей, которые Хая посылала ей за Марка, на дороге не валялись, да и отдавать квартиру государству было глупо, когда родственники предлагали ей за прописку сына неплохое пожизненное содержание. К тому же комнат было две, и несколько лет спустя Маня таки позволила себя уговорить на прописку и право пользования одной из них. Акт человеколюбия обошелся Марку в три тысячи отступных и сто двадцать рэ в месяц.

К тому времени Марк не только научился договариваться с самодуристой теткой, но и был ей весьма признателен – полученные навыки оченьгодились в фарцовочной практике, которую он сам себе назначил по окончании училища. Разумеется, официально он в это время на мебельном производстве рассчитывал нормы допустимых потерь при транспортировке готовой продукции из пункта А в пункт Б, но, еще не поняв, он уже почуял, что государственные расходы можно вполне удачно обернуть личными доходами. В свободное от официальной работы время Марк проверял свою интуицию на поприще мелких спекуляций. Опыт уговаривания тети Мани оказался бесценным – после нее любой клиент казался ему семечком, а продажа снега эскимосам – плевым делом.

Обзаведясь деньгами, приодевшись и уложив непослушные кудри в прическу «рижанин», на что парикмахерша тратила полфлакона лака сильной фиксации, Марк, к тому времени вполне Аркадьевич, решил заняться личной жизнью – мама все настойчивее просила внуков, да и фраза, которую Марк когда-то от рэб Арона слышал, не давала покоя. «Нехорошо человеку быть одному».

Только где же было найти невесту под мамин заказ, ту самую хорошую еврейскую девочку? Хорошие были, еврейки встречались, и даже «девочки» попадались, но чтоб все три параметра в одном сокровище женского пола – такого он не видел. К тому же для себя он добавил еще один – молоденькие дурочки его не очень привлекали, общаться со сверстницами было ему намного интересней. Когда, уже и не надеясь, Марк встретил было свою мечту, ее весьма ученый папа категорически запретил дочке встречаться с пришлым «торгашом» – Марк в то время уже работал в комиссионке приемщиком, и в его речи еще слышался белорусский говор. Дочка была послушной, да и влюбиться в «торгаша» толком не успела, а посему отведя глаза представила гостя папе, и тот ему все высказал, в выражениях далеких от тех, что употребляют на ученых советах.

После этого Марк от четвертого параметра отказался и обратил свой взор на юных нимф. Уже расправило кремпленовые крылышки новое поколение прекрасных бабочек-семидесятиниц, модненьких и беззаботных. Были среди них и те самые хорошие еврейские девочки, но их поросль искала радости и веселья, а Марикова взрослость была им обузой. Эфирным созданиям задумчивый тридцатилетний мужчина казался не то динозавром, не то морской черепахой, древней и скучной.

Марк своим матримониальным неудачам расстраивался не сильно, с лихвой компенсируя их амурными похождениями, в коих преуспевал необычайно. В своем бобыльстве он видел лишь один серьезный недостаток – когда наступила отъездная пора, он твердо решил, что без жены не поедет. Марк был уверен, что если даже здесь, при всех своих новых возможностях, не смог найти себе пару, то тем более не на что рассчитывать там, безъязыкому, с сухой эмигрантской коркой в зубах.

Его откровенно страшила перспектива остаться на чужбине в одиночестве, пусть и рядом с родней. Тогда, отбрыкиваясь от отцовских уговоров уехать, Марк и сам не понимал, что именно этого боится больше всего. Ему казалось, что он не сможет начать все сначала, после того как с таким трудом устроился в Риге, что не найдет себе там работу, не выучит язык. Но что больше всего он боится там, на родине предков, остаться одиноким, отвергнутым «хоро-

шими еврейскими девушками», он понял только в те дни, когда сидел в полумраке своей квартиры, пробираясь сквозь дореволюционные «яти» к любви и неге Соломоновой песни.

Я сплю, а сердце мое бодрствует,—

читал Марк с восхищением и завистью, понимая, что в его жизни все было наоборот – он бодрствовал с дремлющим сердцем. Чтобы, приехав из распахнутого настезь Витебска, преуспеть в чопорной Риге, ему пришлось отказаться от многих добрых душевных качеств, приобретая полезные. Теперь он понимал, что именно такие полезные качества, как недоверие к людям, цинизм, уверенность в могуществе денег – все это стоит преградой на пути к личному счастью. Вот в «Песне» люди по виноградникам полуголые бегают и счастливы, не спрашивают, кем папа работает и о скольких комнатах квартира. Вся эта социальная мишура не отвлекает их от любования настоящим – красотой внутренней и внешней, любви к избраннице и Создателю.

Для счастья иногда достаточно полутемной каморки, сидел бы в ней старый мудрый учитель и потрескивал бы на керогазе луженый-перелуженый чайник. Сидишь ребенком в такой комнатенке и мечтаешь о блестящем будущем, в котором у тебя непременно будет свой велосипед, а может быть, даже и ламповый телевизор. Вырастаешь и понимаешь, что обманулся – и машина есть, и телевизор самой последней модели, и холодильник-плита-стиральная машина, а счастье было там, под низким закопченным потолком у рэб Арона.

Доколе день дышит прохладой,
и убегают тени, возвратись...

Вот только как вернуться туда, откуда так стремился убежать? И надо ли? И за той ли дверью ждет любовь?

Чем возлюбленный твой
лучше других возлюбленных,
о прекраснейшая из женщин? —

читал Марк глазами, а сердце бубнило: «И вправду, чем я лучше, чтобы претендовать на такую, и родилась ли вообще моя Суламифь?» В таких размышлениях провел он те несколько дней своего добровольного затворничества.

К жизни он вернулся в том еще виде – изможденное лицо, черные круги под глазами и лихорадочный блеск в них самих. Что делать с вновь открывшимся пониманием жизни, он еще не знал, но точно понимал, что существовать как раньше не хочет.

Выйдя на улицу, Марк инстинктивно прикрылся рукой от слепящего солнца. Майский город был теплым и праздничным, ощущение того, что вот теперь все будет хорошо, просто витало в воздухе.

Хорошая Девочка

На другой день Марк встретил Ее. Просто запутался сердцем в спело-каштановых локонах, да так крепко запутался, что и не распутался потом очень долго. Много лет спустя, когда безнадежность этого романа уже не вызывала сомнений, он думал, что, может, лучше и не встречать бы ее, но, положа руку на сердце, совсем на волю не рвался, да и заточение было вполне добровольным, ни перед ЗАГСом, ни перед людьми не закрепленным. Марк и рад бы скрепить, да так получилось, что сокровище его было краденым и не его вовсе, а мужним.

Все совпало, как мама желала, – Хорошая Еврейская Девочка, ну, не маленькая, тридцати двух годиков от роду, но десять из них мужем холеная, а потому довольно наивная и очень свежая. Будучи всего на несколько лет младше Марка, она казалась моложе на целую жизнь. Даже царское имя Эстер к ней не пристало, все звали Эсей, как в детстве. Казалось, что время остановилось в те двадцать два года, когда из одного еврейского дома ее бережно, как хрустальную вазу, передали в другой – дом мужа. Теперь любоваться доченькой, лелеять, баловать и одевать ее во все посылочное могли не только ее родители, но и мужнины.

В жизни молодоженов все было правильно: хорошие родители, высшие образования, устроенная предками квартирка – небольшая, но уютная и своя, несложная работа, приличные друзья, интересный досуг, поездки по Союзу раз в год – куда душа желает. На их столе не переводился спецпаек от мамы, в шкафу – кремленовые модности от свекровьей портнихи, а заграничные родственники с двух сторон посылками баловали – настоящий «Ливайс», «Врангель» и прочие «Монтана» с «Адидасом»!

Свекор работал по торговой части, снабженцем первых эшелонов, так что дефицитные сокровища с закрытых баз плавно расплозились по родственным ему семьям, и Эсенька с ее кукольной фигуркой всегда одаривалась первой. Свекор вообще всю жизнь мечтал о дочке, жена не сподобилась, спасибо, хоть сын привел. Они с невесткой с первого же года спелись так, что и его жена, и Эсин папа не на шутку ревновали. Такая ситуация радовала лишь маму Эси и вполне устраивала молодого мужа – он рад был разделить с отцом обязанности добытчика.

Муж был на несколько лет старше, но по сути такой же мальчик, жизни не знающий, да и где он эту жизнь мог видеть, если родители всячески его от этого ограждали. Хороший мальчик мимо армии закончил Политех, после непродолжительного знакомства сделал предложение хорошей девочке, заканчивающей университет, и тепличные детки зажили отдельной тепличкой. Все в их доме было ладненько – обстановка небедная и со вкусом, умные книги, хорошие пластинки, одного в ней не хватало – детей, очевидно, к размножению теплица не располагала. Впрочем, в первые годы это обстоятельство никого особенно не волновало, так уж ребятам нравилось жить в свое удовольствие, и теща была довольна – нечего единственной доченьке в мамы торопиться, и свекровь-профессорша в бабушки не рвалась. Лет через пять начали проверяться, но тоже без особого фанатизма, раз придут на прием, два пропустят. Врачи грешили на Эсю, но точной причины так до конца и не выяснили.

Тем летом Эся легкой экзотической птичкой влетела в клетку скучной Марковой жизни. Поселила в ней новые звуки, запахи, волнения. Влетела небрежно и ненадолго, а задержалась на многие годы. Дивные это были годы, тайные, томные, страстные и неуемные.

В дневное время Эся числилась Эстер Ароновой в некоем вычислительном центре – ну надо же было куда-то обновы носить. Впрочем, работа была столь непыльная, что цвет лица не портила, разве что интриги коллежек иногда омрачали картину идеального мира. Коллектив был процентов на девяносто дамский, не бабий, не дай бог, а именно дамский, все сотрудницы – сплошь пристроенные «чьи-то жены». Рабочие обязанности на службе были столь необременительными, что оставляли немало времени на чашечку кофе в «Луне» или «Вецриге», неспешный обедик в «Риге» и даже на очередь в центральный универмаг. За колбасой девочки из их

отдела не стояли – не для того замуж ходили, зато с удовольствием снисходили до импортного дефицита, нередко выкидываемого на потеху советским труженикам.

Со временем Марк и занял это окошко в рабочем графике Эси, у себя на дому обеспечив ей и кофеек с пирожным, и обед с мороженым, и нечто куда как более ценное и дома невиданное – мужскую любовь. По-настоящему каждый из них полюбил в первый раз, а то, что было до этого, не считалось. Ну правда, разве же можно было сравнить совершенно плотские чувства Марка к его пассиям или почти дружескую привязанность Эси к мужу с абсолютно взрослым чувством мужчины и женщины? Они нескоро сошлись, долго приглядывались друг к другу, Эся боялась довериться, Марк – попортить семейные ценности. Не будучи великим моралистом и ранее не испытывая угрызений совести по поводу соблазненных и брошенных женщин, теперь он совершенно четко осознавал степень ответственности перед Эсей, ее родителями и даже своей мамой. Перед обманутым мужем Марк не совестился – много он на то нашел причин, считая соперника инфантильным, балованным жизнью и абсолютно незаслуженно обладающим таким сокровищем, как Эстер.

По собственному разумению, Марк был ее достоин куда больше. Конечно, тут он был пристрастен, но любовь с беспристрастностью дружат редко. Вот перед родителями было действительно стыдно – и своей маме не расскажешь, и Эсиным родителям в глаза не посмотришь. Впрочем, шансов пересечься с ее родителями было мало – Марк почти никогда не появлялся в городе с Эсей.

Будучи совсем неопытной в таких делах, Эся оказалась тем еще конспиратором, и как только их общение из-под крыш кофеен перешло в альков, с первого же раза расставила точки над «и». Это был тяжелый разговор – закутавшись в разметанные и еще не остывшие простыни, она плакала, по-детски подрагивая плечиками. Корила себя, ругала Марка, что-то горячо, но малоубедительно лепетала про позор, бесчестие, казалось, вот-вот дойдет до морального кодекса строителя коммунизма. Марк слушал отстраненно, истома еще не покинула его тело, а в голове зародилось странное дежавю. Пытаясь понять, где это было, он вспомнил недавно прочитанный в «Песне песней» отрывок, где о девичьей потере плакала дочь иерусалимская:

Братья на меня рассердились,
сказали смотреть за виноградниками —
а за своим виноградником
недосмотрела я!

Между тем Эся, не встретив должного участия, распалялась все больше. Некстати она вспомнила свою хупу и с садистской подробностью рассказала Марку, как было дело.

А дело было так – на следующий день после свадьбы, когда отыграли дежурный «мендельсон» в ЗАГСе и пережили многолюдную гулянку в ресторане, а дома остались только новоиспеченные супруги и ближайшие родственники, к ним пришел незнакомый и довольно странный пожилой еврей в берете и два молодых парня в шляпах. Необычные гости были радушно приняты родителями молодых, спешно под локотки уведены на кухню, и после коротких приготовлений прямо в столовой родительской квартиры возник балдахин на четырех палках, которые держали те два парня и дядья молодых. Молодоженам предложили на радость родителям и Эсиной бабушке «сделать как положено и пожениться, как принято». Что «принято» это у евреев, молодожены поняли, а вот куда и зачем положено, особенно не вникали, ну раз всех это так порадует, а им не сложно – почему бы и нет.

Новоиспеченный супруг для приличия поартачился, что, мол, уже не мальчик и могли бы с ним согласовать, да кто его там слушал – отец приобнял и объяснил, что заранее не говорили, чтобы ребята не сболтнули, а то потом хлопот не оберешься, до сих пор за прошлый отъезд родственников их с матерью периодически в «контору» таскают.

Эся потом не поленилась и бабушку о сути обряда расспросила, и оказалось, что для них, евреев, эта хупа куда важнее, чем ЗАГС, там сегодня туда расписались, завтра обратно – большое дело, а вот хупа – это на всю жизнь и не только перед людьми, но и перед Богом. Бабушка всегда критиковала всех, в первую очередь советскую власть и свою дочь, Эсину маму. Тут она тоже ложку дегтя подмешала, рассказав, что сделали всё не как у людей, невесту даже в микву¹² не сводили. Подумав, она все же примирительно утвердила, что делать нечего, все равно все миквы фашисты разрушили, а те, что сохранились – советские под бани приспособили, засыпали или перестроили.

Они в тот день несколько часов проговорили, бабушка рассказывала эмоционально и подробно, как всегда, когда речь шла о «тех временах, когда латвийское масло было настоящим – желтым и сливочным, а не этим белым кирпичом с водой». В суете дней их разговор утек, как колечко в песок юрмальской дюны, а в квартире Марка вдруг некстати пророс.

Заклинаю вас, девушки Иерусалима,
газелями и дикими ланями:
не будите любовь, не будите,
пока не захочет проснуться!

Проплакавшись и попричитав о поруганной чести, Эся вдруг очень рационально, по-Эстер-Ароновски, объяснила Марку, что все это ошибка, хотя и очень приятная, что больше этого повториться не должно, ну или не должно повторяться часто. Она, конечно, после всего этого обязательно с мужем разведется, но пока этого не случилось, он, Марк, как мужчина должен позаботиться о ее добром имени и ни в коем случае не компрометировать встречами в городе и назойливыми звонками на рабочий телефон.

Эти правила безукоризненно Марком соблюдались, он в детстве рэб Ароном и мамой был приучен – чтобы получить липкого петушка или тейглах¹³, нужно выполнить какие-то условия, маме ли помочь, оценкой ли хорошей порадовать или выучить благословения из толстой книги рэб Арона. Да и позже, налаживая жизнь в чужом городе, он так часто терпел, что терпение стало частью натуры Марка и теперь, по иронии судьбы, немало пособляло в делах любовных. Встречались они с Эсей часто, по три-четыре раза в неделю, горели, плавились и тлели между встречами.

Для Эси он был человеком из другой жизни, иногородней и бедной, но при этом такой интересной. Она уважала его за то, что, приехав издалека, он сумел сам, без чьей-либо помощи встать на ноги, это очень выгодно отличало Марка от ее мужа, да и любовником он был не в пример супругу. Поражалась она его начитанности и жизненному опыту, удивлялась прекрасному владению идиш, не свойственному ее рижским сверстникам, и им же не свойственному взгляду на многие жизненные вопросы. Так что гармония была полной, ощущалась и душой и телом, одно обстоятельство не давало ей перерасти в семейную идиллию – как-то не получалось у Эси развестись.

Сначала сомневалась, потом не решалась, потом так все по накатанной пошло, что и менять вроде было ни к чему. Главное, она не знала, как сказать Марку, который бредил детьми, через раз упоминал о племянниках и прочей малолетней родне, как открыть ему свою женскую проблему – детей у них с мужем категорически не получалось. Не то чтоб выкидыш или что-то такое, просто не беременела она и все. Словом, угрызения совести ее мучили не только перед мужем, но и перед Марком. Она считала, что раз мужу детский вопрос довольно безразличен, а Марку так важен, то пусть уж лучше все останется как есть.

¹² Миква – бассейн для ритуальных омовений.

¹³ Тейглах – традиционная сладкая выпечка.

Да и было-то совсем не плохо, муж обеспечивал тыл, любовник – счастье. К счастью прилагались очаровательные платица-блузочки-туфельки-сапожки, которыми свою принцессу баловал Марк, к тылу через три года приложились «жигули». На ювелирные украшения был наложен запрет, в отличие от тряпок их нельзя было принести домой под видом «выброшенного» в универмаге, поэтому от Марика она их не принимала, а от мужа не брала, дабы не огорчать Марка, который очень на это обижался. Будучи отчаянной лакомкой, Эся получала большее удовольствие от яств, которыми регулярно потчевал ее друг. Он не ленился перед каждой встречей добыть что-нибудь эдакое, был на связи с администраторами ресторанов, правильными колхозниками и барыгами, так что стол всегда ломился от вырезки, балычков, куриных рулетиков, угря, миног, всяких ресторанных клопсов, которые оставалось только разогреть, и вкуснейших пирожных из интуристовской «Латвии».

За столом он был так же голоден, как и в постели, ибо в одиночестве есть ненавидел, а потому ел или днем с Эсей, или вечером, у Алика, и тут и там с неизменным удовольствием. Он вообще жил с удовольствием, и Эсю это завораживало. Года через четыре, так и не перестав восторгаться Мариком, она заметила, что ее тошнит от мужа.

Тошнило в абсолютно прямом смысле слова, как с утра видела, так в уборную и неслась. Поняв сигнал организма как руководство к действию, она решила-таки серьезно с мужем поговорить и расстаться в пользу Марка, но как-то приступ рвоты случился в воскресенье, когда в гостях была свекровь.

Услышав немелодичное туалетное крикание, свекровь едва дождалась выхода Эси из ванной, кинулась туда, вглядываясь в чрево унитаза, затем, так ничего в чистом сосуде не узрев, вышла и торжественно провозгласила: «Мазлтов! ¹⁴» Она расцеловала опешившую невестку, отрывисто и прослезившись чмокнула сыновью макушку, торчавшую из мягкого кресла «Сабина» («Утренняя почта» – это святое!), и, метнувшись к телефону, спешно набрала номер Эсиных родителей.

Пять минут спустя, наохлавшись, они оживленно обсуждали врача, санаторий для сохранения, наиболее вероятный пол и даже имя их будущего внука. Муж, отвернувшись от телевизора, в изумлении переводил взгляд с тараторящей мамы на оторопевшую супругу. Видя, что жена и сама ничего не понимает, хотел было вернуться к просмотру, но передача уже кончилась, а Эся расплакалась.

Она не понимала, что происходит, возможно ли это, что с этим делать и как рассказать об этом Марку. Так ничего и не придумав, она решила с Марком расстаться. В том, что ребенок мужнин, Эся не сомневалось – в ее правильной жизни иначе быть просто не могло.

Марк получил скорбное известие по телефону. В понедельник, обычный день их встречи, она позвонила не в дверь, а по телефону. Говорила сбивчиво и приглушенно – в смежном кабинете коллеги праздновали именины начальницы. Это было громом среди ясного неба, Марк так и не понял, чем он провинился и что это за обстоятельства, на изменение которых ссылалась любимая. Он хотел увидеть ее, хотел объясниться, хотел перевернуть мир и разрушить стоящие между ними препятствия.

Голубка моя, что укрылась
среди скал, за горным уступом!
Дай мне тебя увидеть,
дай услышать твой голос:
голос твой нежен,
и сладостен вид.

¹⁴ Поздравляю (*идиши, иерит*).

Марку, знавшему, где работает и живет любимая, не составило бы большого труда подкараулить ее у выхода, да в конце концов просто позвонить на давно заученный рабочий номер. Но сложный замес оскорбленного достоинства и заботы об Эстер заставил мужчину принять решение обходить возможные места встреч десятой дорогой. Со временем он для себя принял, что променяла его девочка на стабильность, ведь то, что директоров комиссионки регулярно сажали – было общеизвестно. Да и своим рижско-интеллигентским происхождением вечно молодой муж явно Марика превосходил.

К тому же Марк никогда не скрывал намерений при первой же возможности уехать в Израиль, а Эсю такой исход абсолютно не привлекал. Брат ее тестя уже много лет проживал в Америке, там же неплохо пристроилась сестра ее мамы, и Эся, периодически беря уроки английского, мечтала о сытной штатовской жизни, в которой нет войн с арабами и жары. К тому же заморские тряпки качественно превосходили израильские, это она отлично знала по посылкам. Конечно, довод смешной, но как зарисовка к безопасному благополучию вполне сходил. В общем, стабильность, Америка, достойная мужнина родня и налаженная жизнь говорили против Марка. Решив, что так тому и быть, он встречи с Эсей не искал.

Как-то очень удачно подвернулась Виктория, приемщица из его комиссионки. Точнее, она у него уже два года работала, но несмотря на рост и стать кареглазая красавица польских кровей оставалась начальником не замечается. Не раз она демонстрировала ему свой интерес, то коснется невзначай, то после работы задержится, бери – не хочу. Марк до поры до времени не хотел. Точнее, даже не думал об этом, в его жизни была лишь одна женщина. А тут как-то неожиданно сошлись, так себя дама в правильный момент предложила, что не смог Марк устоять, да и незачем было. В отличие от Эси, Виктория хотела принадлежать ему без остатка, женой стать, детей рожать и, по ее выражению, «целовать ноги его матери». Но, как ни странно, Марка ее готовность только раздражала, и чем сильнее она старалась занять место его женщины, тем яснее он понимал, что место-то не вакантно. Однако на тот момент его устраивали необременительные и регулярные отношения, и Марк давал им обоим шанс, надеясь, что со временем выбьет клин клином. В какой-то момент Эся перестала его тянуть, и он знал – это значит, что она перестала о нем думать.

Эсе и вправду было не до того. Беременность не доставляла особых хлопот, но здорово озадачила ее родственников. Ей, всегда двадцатипятилетней, тут же бестактно припомнили ее фактический, не сильно располагающий к первым родам возраст, врач схватился за голову – старородящая! Гевалт разнесся по близкой и дальней родне, причем каждая посвященная родственница считала делом чести дать несколько советов, рекомендаций и рассказать, как это было у нее, у ее подруги и у соседской кошки.

Не сильно беря это в голову, оставив болтовню маме и свекрови, а работу – коллегам, Эся получала удовольствие от разворачивающегося вокруг нее карнавала. Санаторий в Дзинтари, где «сохраняли» жены самых больших начальников, изумительные французские и американские платья для беременных, моментальное исполнение любых капризов – иногда она просто просыпалась с мыслью о том, чего бы такого захотеть сегодня.

К виновнику события – ребенку, чудом поселившемуся в ее утробе, – Эся относилась как к временному жильцу. За предшествующие годы она абсолютно приняла мысль о своем бесплодии и всю беременность не знала, как относиться к новому состоянию. Где-то в глубине души она боялась не доносить, говорил же врач о возможных опасностях, поэтому она старалась к мысли о ребенке не привыкать, чтобы потом не расстроиться. Кроме того, эта непонятно как проросшая яйцеклетка разлучила ее с любимым человеком.

Поначалу Эся искренне и каждодневно скучала по Марку, корила себя и за сам роман, и за то, как неловко она его закончила, а после за ежедневными хлопотами по самоублажению она как-то успокоилась, смирилась. Ровно через семь месяцев после их последнего разговора Эся родила... копию Марика. Абсолютно точная, хоть и здорово уменьшенная копия любовника

смотрела на нее из пенящейся кружевом итальянской колыбельки. Удивительно, но сходство видела только она, а счастливые бабушки наперебой подмечали родовые черты, и всякий раз свекровь преуспевала в этом куда больше Эсиной мамы.

Следующие полгода прошли как во сне, кормежки – распашонки – бессонные ночи не располагали к душевным исканиям. А потом стало остро не хватать его, Марка. Каждый взгляд на маленького Даника отсылал Эсю к возлюбленному. Гуляя с малышом, она искала Марка взглядом, надеясь и боясь, что именно сегодня он решит сократить путь и пройдет через Кировский парк. Что ему сказать, она тогда еще не знала, но предполагала, что правильные слова подберутся сами. В глубине души она надеялась, что, заглянув в коляску, Марк сам найдет и слова, и всем подходящий выход из этой мучительной ситуации. Эся осунулась и подурнела – она тосковала.

В своей постели ночами
я искала любимого.
Искала – найти не могла.
Встану, обойду город,
на улицах и площадях
любимого поищу!

Несколько месяцев спустя они столкнулись-таки нос к носу недалеко от того места, где познакомились. Все случилось совсем не так, как мечталось долгими бессонными ночами Эсе: она не очень хорошо выглядела, Данька в соплях, коляска скрипела, видно, пружины зимой заржавели. Все произошло на бегу – она везла сына к врачу. Марк увидел ее в последний момент, когда она с сыновым экипажем выходила из парка, а он со своим неизменным дипломатом туда заскакивал. Свернуть было поздно, сделать вид, что не узнал – глупо.

Много лет спустя он думал о том, как же угораздило его войти именно в эту калитку Кирчика, сколько их в парке! Да, видно, судьба. Эстер была не одна, а с соперником, противостоять которому Марк был не в силах. Пухлощекый младенец с нездоровым румянцем нахально выдувал носом желтый пузырь и недовольно кряхтел. Всем своим видом он показывал недовольство от происшедшего – коляска стояла, мама суетилась, заглядывала дяде в глаза, кивала на него, Даню, даже норовила вытащить и сунуть дяде в руки. От такого панибратства Даник заревел, пузырь лопнул, и сопли потекли в рот.

Картина «Мадонна с младенцем встречает суженого» не получилась. Марк даже и не разглядывал малыша особенно. Чего ему было искать в чужой коляске? Зато многое прояснилось. У Эси с мужем все хорошо, вот – наследником обзавелись. Может, когда границы откроют, уедут они в свою Америку, и будет им счастье.

Все хорошо, все так, как должно быть – правильно и прилично. Он со своими матримонными амбициями и израильскими перспективами Эсе явно не был нужен. Ему не хотелось верить в то, что она изначально врала ему, что разведется, но по всему выходило именно так. Да и какая теперь разница, даже хорошо, что все так вышло. Марк впервые подумал о том, что мама бы Эсю, наверное, приняла, для нее сыновье благополучие всегда было на первом месте, а вот отец перевернулся бы в Святой земле, узнав, что первенец эгоистично разрушил чужую еврейскую семью.

Инвестиция в мечту

Все стало на свои места. Эстер навсегда ушла из жизни Марка и так же навсегда осталась в его сердце. Место не сбывшейся мечты заняла мечта несбыточная – тогда об отъезде в Израиль не могло быть и речи. Тем не менее Марк знал, верил и чувствовал всем своим существом, что рано или поздно он там будет. Желательно, конечно, раньше – очень хотелось застать в живых маму и никогда ранее не виданную тетю Дору, обе старушки в последнее время хворали.

Отношения с Викторией начинали все больше обязывать, и, вполне достойно ее обеспечив, Марк сослал бывшую любовницу с глаз долой завмагом в гастроном на Карла Маркса, после чего их встречи постепенно сошли на нет. Она искренне любила его, но в мечту не вписывалась, Марк не мог обмануть надежду на хорошую еврейскую девочку. После «Песни песней», которая так разбередила его душу, эта мечта из маминого напутствия стала для него целью жизни. Израиль и еврейская жена. А если Бог даст, то и дети. Ну да, пятый десяток уже, и объективно Марк понимал, что изрядно помятый жизнью эмигрант вряд ли прельстит гордую иерусалимскую дочь, поэтому у него был свой план.

Еще когда израильская лира лишь начала шататься и слабеть, Марк, регулярно следивший за новостями из Израйля, знал об этом не хуже тамошних экономистов. Информационным источником становилось все: письма родных, знакомых и малознакомых, с которыми Марк наладил почтовый контакт, русскоязычные израильские газеты, которые нет-нет, да и просачивались под железный занавес, американская The Jewish Press, которая была намного информативней газет на русском, хоть и читалась медленно – со словарем. Иногда выручали «вражки» радиоголоса: отфильтровав политическую подоплеку, Марк получал немало полезной информации, он называл это «ловить фаршированную рыбу в мутной воде».

Итак, израильской лире Марк не доверял, да и где ее было достать. А вот доллары и марки в Риге были вполне доставаемы и для осуществления Плана вполне годились. План был простой, как мычание. Квартира, желательно в Хайфе, рядом со своими. Машина, желательно «субару», японцы самые надежные, ну не «суситу» же израильскую брать. Счет в банке, желательно «Апоалим» – единственном, название которого он знал. Вот на этих трех китах Марк и собирался строить свое израильское семейное счастье.

Осуществить задуманное отчасти помогал Алик, так удачно подвернувшийся ему несколько лет назад. Тот тоже был озадачен проблемой заработка. В отличие от Марка, Алик старался не на Израиль, а на вечно недовольную и неумно прожорливую жену. Глядя на их с Ингой брак, Марик радовался, что столь благоразумно расстался с Викторией, а то так же мог влипнуть. По секрету Алик не раз говорил другу, что и он мечтает уехать в Израиль, но понимает, что Инга его никогда не отпустит, да и что с таким-то самоваром в Тулу, вот бы только Светланку под мышку – и айда!

Марку казалось, что он все это где-то слышал, даже не текст, а интонации. Вот вроде человек делится заветной мечтой, а вроде и сам в нее не верит. Глупо, как может сбыться мечта, в которую не веришь? В очередной приступ Алькиной откровенности Марк понял, где он что-то подобное слышал. Точно так же Эся говорила о своем намерении развестись с мужем, с такой же убежденностью в голосе и такой же внутренней неуверенностью. Поняв это, Марк почувствовал, что ничего-то у друга не выйдет, или не уедет, или уедет без дочки, и в любом из этих случаев его мечта не сбудется, а значит, счастливым он не будет. Но Марк не стал удручать Алика своими соображениями, да и кто знает, может, повезет, и он, Марк, будет рад ошибиться.

Между тем лира, которой Марк предрекал скорую кончину, гавкнулась-таки в восьмидесятом, породив шекель, который тоже жил недолго и не очень счастливо, в восемьдесят пятом году уступив должность национальной валюты новому шекелю. Мама с сестрой не могли нара-

доваться на Маричка, за последние годы он их в каждом письме уговаривал взять ипотеку и купить квартиру. Взяли, купили, и теперь, на денежной реформе, большую часть ссуды им скостили. Мама каждый день на скамейке хвасталась соседским старушкам, какой умница ее сын, недаром еще в детстве мудрый рэб Арон называл его «кляйне хухем». Это ему сестра в письмах рассказывала.

К тому времени у Марка в кубышке хранилась приличная сумма, но он все копил. Копил не только деньги, но и знания и знакомства. Казавшись себе уже немолодым человеком, он боялся оказаться в незнакомой обстановке и старался получить максимум знаний об Израиле, его традициях, культуре, природе. С каждым годом доступнее становились израильские газеты и религиозные книги на русском. Он больше не боялся брать в руки святые книги, понимал их, правда, не очень – лишь недавно алфавит вспомнил. Главное, он больше не считал себя предателем, недостойным древней мудрости.

В Израиле хотелось иметь друзей, но кто знает, удастся ли там свести новые знакомства? Встречая типичного еврея, Марк осторожно знакомился и выпытывал, не собирается ли тот в Израиль, и если да – в каком городе живет его родня. Некоторые новые знакомые смотрели на него косо, подозревая в стукачестве, очень уж жаден был Марк до информации. Но большинство людей воспринимали его интерес адекватно и даже с радостью подхватывали разговор. Горбачев сулил свободу, в воздухе пахло скорым отъездом, тема Израиля была актуальной для многих. Для затравки таких разговоров вполне годился давно придуманный Марком пароль для идентификации своих: «Вы Сегалья знаете?..»

Пару лет спустя необходимость в подобной конспирации отпала совершенно – уже набрали ход перестройка, гласность, образовался народный фронт и в пику ему интерфронт, поговаривали даже о совсем уж невероятном – восстановлении независимости Латвии. Что вот, мол, СССР – искусственное образование с изначально мертворожденной национальной, экономической и прочими идеями, оно рухнет и... Что следует за «и», точно не знали – столь бурной фантазией не обладал никто. Будь жива тетя Маня, наверняка, как Эсина бабушка, погрезила бы о том, что латвийское масло опять станет желтым и лучшим в Европе, но престарелая родственница давно уже упокоилась на Шмерли¹⁵, а помечтать вместо нее Марк не мог. Он и за себя-то мечтать не мог – разучился.

Теперь мечты заменяли ему цели, а они во многом остались прежними, и главная – Израиль. Вскоре в Ригу зачастили представители Сохнута, и Марк наконец-то мог удовлетворить свой информационный голод. Посланцы же в основном гастролировали с рассказами о молоке, меде и аттракционе невиданной щедрости – корзине абсорбции, но это было менее актуально – себе корзину Марк Аркадьевич уже подготовил, да что там корзину – сундук. О своей готовности репатрироваться он сообщил на первой же встрече с Гесей Камайской. Эта пожилая и невероятно харизматичная женщина, сама бывшая рижанка и активистка сионистского подполья, тогда, в конце восьмидесятых, приезжала из Израиля, собирала рижских евреев на лекции и записывала данные готовых к репатриации, а вернувшись домой, заботилась о том, что бы всем заинтересованным пришел вызов.

¹⁵ Еврейское кладбище в Риге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.